

Дмитрий Тренин

Интеграция и идентичность

Россия как «Новый Запад»

 европа

Дмитрий Тренин

**Интеграция и идентичность:
Россия как «новый Запад»**

«Европа»

2006

Тренин Д. В.

Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» /
Д. В. Тренин — «Европа», 2006

Книга посвящена оценке возможностей, существующих у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран, называемых для краткости Западом, выяснению, каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки, и на каких принципах и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом». Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией – Московским Центром Карнеги при поддержке Carnegie Corporation of New York, а также посольства Швеции в России. В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Содержание

Предисловие	5
Благодарность автора	7
Введение	8
Глава первая	11
Интеграция – от имперской модели к демократической	14
Феномен политического Запада	20
Запад после «холодной войны»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Тренин

Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад»

Предисловие

НАДЕЖДЫ НА ВОЗМОЖНОСТЬ быстрой интеграции России в международное сообщество, существовавшие после крушения коммунизма, быстро исчезли. Уже в более недавнее время, после террористических актов 11 сентября 2001 г., снова возникли ожидания, что стратегическое решение Путина поддержать Соединенные Штаты в их борьбе с терроризмом приведет российское руководство к стратегии интеграции с Западом.

Прошло пять лет, и эти надежды тоже пришлось отбросить. Российские политики и общество в целом весьма далеки от принятия либерально-демократических правил игры, а без этого ни конструктивное стратегическое партнерство, ни полноценная интеграция России в западное сообщество невозможны. Сегодня в общественном мнении Запада гораздо меньше неопределенности в отношении России и гораздо больше пессимизма по поводу ее внутривнутриполитического развития и его влияния на внешнюю политику и политику в области безопасности. Теперь Россию обычно относят не к таким странам, как Польша или даже Украина, а скорее к таким, как Китай.

И хотя интеграция России пока окончательно не вычеркнута из западной повестки дня, она, безусловно, не является приоритетом.

Российское руководство, в свою очередь, вновь обрело уверенность и демонстрирует напор. Оно завершило формирование политического режима по типу царского, обеспечило тем, кто управляет государством, также и контроль над национальной экономикой и ввело ограничения на деятельность только нарождающихся институтов гражданского общества. Оно не преминуло заявить своей целью восстановление России как современной великой державы, используя энергетические ресурсы в качестве символа мирового престижа и политического инструмента. В понимании Кремля Россия должна быть полностью независимой от Америки и Европы в зоне ее влияния на постсоветском пространстве. Внешняя политика Москвы, официально будучи многовекторной, в действительности в возрастающей степени ориентируется на набирающие силу азиатские державы, особенно на Китай. Таким образом, в поиске своей новой идентичности Россия все больше удаляется от Запада.

Казалось бы, таким образом, интеграция (с Западом) и идентичность (России) – слова, вынесенные в название книги Дмитрия Тренина, – это движение по двум дорогам, ведущим в разные стороны. Россия стремится к самоидентификации, связанной именно с тем, что отличает ее от Запада. В мировых СМИ нет недостатка в комментариях и аналитических публикациях, предсказывающих новую «холодную войну» между Россией и Западом, возрастающую изоляцию России или даже возможное согласие Москвы на «руководящую роль» Пекина в новом противостоянии между Востоком и Западом. Дмитрий Тренин, выдающийся специалист в области безопасности, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир и директор по исследовательским программам Московского Центра Карнеги, представляет нам другую перспективу.

В то время как почти все сторонники интеграции России с Западом и большинство тех, кто критикует ее поведение, концентрируются на политике Кремля, он обращает внимание на другое. По существу он объясняет свою позицию двумя факторами: открытостью России для внешнего мира и развитием российского капитализма. Тренин особо подчеркивает, что Рос-

сия, по размерам равная целому континенту, отказывается от самоизоляции и что капитализм по мере своего развития коренным образом, хотя и медленно, преобразует российское общество. Он полагает, что со временем развитие капитализма обусловит потребность в соблюдении законов, а порожденный им средний класс создаст основы демократического государственного устройства. Вместо просвещенного либерального руководства Тренин возлагает надежды на внеличностные экономические факторы (прежде всего – на права собственности) как движущую силу истории.

Время покажет, действительно ли такой взгляд позволяет лучше понять, в каком положении Россия находится сегодня и куда она движется. Подход Тренина во многом опирается на историю. Он приводит многочисленные примеры из прошлого и проводит параллели между разными эпохами, чтобы определить возможные варианты развития событий в будущем. Тренин делает парадоксальный вывод о том, что в результате развития капитализма, следствием которого должен стать либерально-демократический прорыв, Россия имеет реальные шансы стать страной западной (в смысле создания соответствующих институтов), но не европейской (в смысле членства в ЕС). Возможно, этот вывод спорен, но он обеспечивает разрешение дилеммы «интеграция или самоидентификация». То есть Россия формально не интегрируется в западное сообщество, но российские привычки и предпочтения, а также внутрисполитические институты постепенно – благодаря экономическому развитию и интересам вовлеченных в него слоев – станут схожими с западными.

Дмитрий Тренин является в первую очередь специалистом по российской внешней и оборонной политике. Его книга «Конец Евразии: Россия между геополитикой и глобализацией», изданная несколько лет назад Фондом Карнеги, признана во всем мире в качестве основополагающего труда, в котором обосновывается необходимость коренной модернизации внешней политики России. Новая книга в известной мере продолжает эту тему, но замыслы автора заметно расширились. В своем стремлении найти убедительные ответы на критически важные вопросы он приглашает читателя в увлекательное путешествие через различные пространства и исторические эпохи. Независимо от того, согласится читатель с Дмитрием Трениным или нет, эта книга безусловно интересна, познавательна и обеспечивает богатую пищу для размышлений.

Мы благодарим за поддержку, которую Корпорация Карнеги в Нью-Йорке, Фонд Старра и Фонд Чарльза Стюарта Мотта предоставили российско-евразийской программе Фонда Карнеги за Международный Мир.

*Джессика Т. Мэтьюз,
президент Фонда Карнеги
за Международный Мир*

Благодарность автора

Моим родителям Валентине Ефремовне и Виталию Николаевичу

АВТОР, И ТОЛЬКО ОН ОДИН, несет ответственность за содержание текста, который выносит на суд читателей. Тем не менее для того, чтобы текст стал книгой, потребовались помощь, участие и дружеское содействие многих людей. Прежде всего я признателен моим коллегам по фонду Карнеги за Международный Мир, которые поддержали идею написания этой книги: Джессике Мэтьюз, президенту фонда; Полу Баларану и Джорджу Перковичу – исполнительному вице-президенту и вице-президенту по исследованиям соответственно. Эндрю Качинс, директор Московского Центра Карнеги (2003–2005 гг.), взял на себя труд прочитать рукопись и сделал ценные и тонкие замечания. Внимательнейшим читателем и дотошным критиком текста был Бобо Ло, в прошлом приглашенный исследователь Московского Центра Карнеги, а ныне руководитель программы исследования России и Евразии в Королевском институте международных отношений (Чатем-хаус) в Лондоне. Принципиальные вопросы этой работы были предметом многочасовых обсуждений с моими друзьями, руководителями программ Московского Центра Карнеги Лилией Шевцовой и Алексеем Малащенко, а также с человеком, который знает меня дольше всех, за исключением моих родителей, – Андреем Тетеревым. Я глубоко благодарен ведущему российскому ученому, заместителю директора Института мировой экономики и международных отношений, члену-корреспонденту Российской академии наук Владимиру Барановскому за его рецензию на мою рукопись, в которой строгость критики сочеталась с конструктивностью предложений и доброжелательным отношением к автору.

Наталии Бубновой, курирующей публикационную программу в Московском Центре Карнеги, выпала критически важная роль координатора процесса превращения рукописи в книгу, в то время как Наталия Кабанова обеспечивала материальную и договорно-правовую сторону этого процесса. Александр Иоффе не только привел текст в соответствие с общепринятыми нормами, но и неуклонно добивался от автора максимальной ясности изложения и документального подтверждения всех и всяческих ссылок. Наконец – по порядку, но не по важности – огромную гору важнейшей организационно-технической работы сумел сдвинуть мой помощник, координатор программы «Внешняя политика и безопасность» Сергей Псурцев.

Написание книг – занятие, требующее взаимопонимания в семье и постоянной поддержки со стороны домашних. Жена Вера, мой вдохновитель и организатор, была одновременно самым суровым и беспощадным критиком. Особое спасибо я хочу сказать моим уже взрослым сыновьям Петру и Андрею – не только за их готовность обсуждать темы и тексты, предложенные отцом, но главным образом за то, что вопрос об их будущем послужил, наверное, самым серьезным побудительным мотивом этой работы.

Январь 2006 г.

Введение

ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЭТА КНИГА была задумана как анализ отношений Российской Федерации с союзом НАТО и его членами после окончания «холодной войны». Уже вскоре, однако, стало ясно, что ограничение исследования собственно международной проблематикой слишком узко и, главное, не способно дать ответ на вопрос о перспективах отношений России и Запада. На этом уровне внешнюю политику России невозможно рассматривать вне контекста внутривнутриполитической борьбы интересов, экономических и социальных сюжетов, ценностных ориентиров. Осмыслить этот контекст – значит сделать большой шаг в осмыслении взаимосвязи внешней политики России, ее отношений с Западом и продолжающихся поисков новой российской идентичности.

Проблема не только российско-западных отношений, но и места России в мире в XXI в. сводится к тому, сумеет ли Россия (и если да, то когда) достичь качественного тождества с Западом. При этом Запад понимается не как географическая данность, тем более раз и навсегда определенная, а как совокупность основных институтов современного общества – частной собственности, конституционного строя, гражданского общества, гарантий прав человека и основных свобод и, наконец, либеральной демократии. Без такой глубокой и всеобъемлющей модернизации Россия однозначно не будет конкурентоспособной страной в глобализирующемся мире.

Критерии сравнения государств постоянно меняются. До Второй мировой войны главным было количество и качество войск и сила флотов, во второй половине XX в. – пресловутый ядерный «мегатоннаж». И то, и другое непосредственно зависело от экономического развития, но в индустриальную эпоху системы мобилизационного типа могли добиваться впечатляющих успехов и в течение длительного времени соперничать с системами, основанными на либеральных принципах. В начавшемся столетии важнейшим качеством государств будет, вероятно, их способность к инновационному развитию. Эта способность, в свою очередь, зависит от характера политических, экономических, социальных и ценностных систем общества на постиндустриальной стадии его развития.

Лишь достижение тождества по этому критерию сделает Российскую Федерацию конкурентоспособной в мире, где соревнование приобрело всеобщий и глобальный характер. Традиционно упоминаемые преимущества России в международной конкурентной борьбе – факторы географического, ресурсного, военного и прочего характера – будут эффективно задействованы лишь при условии приобретения ею равенства в качестве основных систем общества с лидерами современного развития. Только такое равенство в качестве создает основу для равноправия. В противном случае, т. е. если Россия не сумеет стать западной страной в институциональном отношении, традиционные факторы национальной мощи могут обратиться в свою противоположность: потенциал силы обернется реальностью слабости, уязвимости, зависимости.

Итак, Запад, о котором идет речь в этой книге, – не географическое или культурно-цивилизационное понятие. Имеется в виду современное постиндустриальное общество, возникшее на основе модели, впервые появившейся в Европе в XII–XIV вв. и с тех пор постепенно распространяющейся по всему миру. В XXI столетии главным «фронтиром» процесса вестернизации стала Азия, и прежде всего Китай. Американские аналитики сделали важнейший вывод: в ближайшие 15–20 лет процесс глобализации будет все больше связываться не с США, а с такими странами, как Китай и Индия¹.

¹ Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. – Washington: Government Printing Office, Dec. 2004.

Соответственно под интеграцией в западное или, точнее, международное общество подразумевается не физическое присоединение к тем или иным международным институтам, а создание *внутри страны* современных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность. Иными словами, проблема не в том, закрепится ли Россия «в составе Запада», а в том, закрепятся ли современные институты, технологии, практики внутри России.

С учетом данных пояснений должно быть очевидно, что превращение России в «новый Запад» не означает потерю идентичности, индивидуальности России, ее уподобление США или Европейскому союзу. Напротив, интеграция такого рода представляет собой едва ли не единственный надежный способ укрепить международный статус России. Доказывать, «почему Россия не Америка»², излишне. Хотя, как давно известно, капитализм стремится к созданию однородной среды для своего развития, не признавая при этом никаких границ³, национальная идентичность не исчезает, а сохраняется, несмотря ни на какие политико-экономические и валютные союзы, тем более – военные альянсы. «Пары» США – Канада, Великобритания – Ирландия, бельгийская Фландрия – Нидерланды (или, соответственно, бельгийская Валлония – Франция) убедительно доказывают этот тезис. Список примеров можно продолжать долго.

Проблема, следовательно, не в том, что станет с Россией, если она станет Западом, а в том, что будет, если она этим Западом *не* станет. Остановка и разворот вспять процесса трансформации вряд ли приведут к тому, что Россия возглавит всемирную альтернативу, станет лидером пяти миллиардов «жертв глобализации» в борьбе против «золотого миллиарда» и развернет ход мировой истории, взяв таким образом реванш за поражение в конце XX в. Это иллюзия. Поднимающиеся страны – Индия и Индонезия, Бразилия и ЮАР и, конечно, Китай – это новая волна вестернизации, не поднятая западным империализмом, а созревшая в местном климате и обладающая в каждом конкретном случае явной «национальной спецификой». Все эти страны – без исключений – будут успешными в той мере, в какой им удастся выстроить у себя дома собственную модель Запада.

Неспособность России реализовать аналогичный проект на своей почве станет двойным поражением – и по отношению к зрелому, и по отношению к молодому Западу. В результате произойдет окончательная маргинализация страны, превращение ее не в смешную и неуклюжую «Азиопу», а во вполне конкретный Евро-Китай.

Для того чтобы справиться со стоящим перед страной вызовом, нужно прежде всего осознать его масштабы, перспективу возможного выигрыша и цену вероятной потери. Необходимо осознать, что «старый добрый» российский традиционализм, одобренный изоляционизмом и изо всех сил прославляющий державность – это верный путь к загниванию, поражению и катастрофе. Следует хорошо понимать, что и хваленый прагматизм при всех его несомненных, но столь же явно ограниченных достоинствах, а также очевидной беспринципности, не способен быть стратегией политики. Это тактика, в лучшем случае – оперативное искусство. Уровень стратегии требует иного качества мышления и, конечно, новых людей, которым и адресована эта книга.

В ней читатель не найдет описания сценариев распада России. Тема поражения нас не интересует. Нет здесь и академичного, политически выверенного меню возможных вариантов развития с предложением выбрать понравившийся. Задача в другом – оценить, какие возможности существуют у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран (она называется здесь международным обществом или, для краткости, Западом), каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки, и на каких принципах

² Париев А. П. Почему Россия не Америка. – М.: Крым. Мост; Форум, 2003.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избр. произв. в 3 т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1983. – С. 106–138.

и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом».

Книга состоит из пяти глав. В первой описывается феномен расширяющегося Запада и исследуется связь между международной интеграцией и национальной идентичностью. Во второй анализируются изменения в политической, экономической, социальной и духовной сферах российского общества, в результате которых плотно закрытое советское общество трансформировалось в гораздо более открытое российское. Эти изменения рассматриваются как база для дальнейшей модернизации. В третьей главе дается очерк меняющейся российской идентичности. Изменения конца XX столетия вполне вписываются в исторический континуум, подтверждая склонность и способность российского общества время от времени «переизобретать» свою страну. Четвертая глава, самая большая по объему, посвящена анализу отношений России с Америкой и Европой в конце XX – начале XXI в. Задача этой главы – извлечь уроки из этих отношений на будущее. Пятая, заключительная глава обращена в будущее. Ее цель – наметить пути и определить инструменты развития будущих российско-западных отношений. Наконец, в Заключение излагаются принципы российской внешнеполитической стратегии, понимаемой как максимально эффективное привлечение внешних ресурсов для решения задач внутреннего развития и для достижения страной международной конкурентоспособности.

В смысловом отношении «Интеграция и идентичность» – продолжение книги «Конец Евразии»⁴, в силу ряда причин не появившейся на русском языке. На уровне подзаголовков двух книг «Россия как новый Запад» является ответом на фактический вопрос «Россия между геополитикой и глобализацией», поставленный в моей предыдущей книге. Итак, выйдя из Евразии, Россия имеет шанс стать «новым Западом». Этот шанс нельзя упустить.

Москва, 1 декабря 2005 г.

⁴ *Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. – Moscow: Carnegie Endowment, 2001; Washington, D.C., 2002; Die gestrandete Weltmacht. – Hamburg: Murmann, 2005.*

Глава первая

ИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Окончание «холодной войны» разрушило «второй мир», в который входили тогдашний Советский Союз и страны социалистического содружества, как они официально именовались. Социалистическая система проиграла соревнование капитализму в том числе по своим собственным меркам: она не сумела добиться *создания более высокой, чем при капитализме, производительности труда*¹, и это в конечном счете имело решающее значение для ее судьбы. Промежуточное положение между развитыми и отсталыми странами, которое последовательно занимали Российская империя, а затем СССР², оказалось уязвимым не только в экономическом, но и в политическом отношении.

За полтора десятилетия, прошедших после 1989 г. (освобождения Восточной Европы), часть социалистических стран – Восточная Германия, Чехия, Венгрия, Словения – сумели в основном завершить переход к политической демократии, рынку, гражданскому обществу. Другие – Польша, Словакия, страны Балтии – далеко продвинулись по этому пути и уже достигли таких рубежей, которые сделали их транзит необратимым. Третья группа – Румыния, Болгария, Хорватия – в принципе определилась с западным вектором своего развития. Четвертая – Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Албания – вошла в зону притяжения и политической ответственности Запада (первоначально НАТО, затем, с начала XXI в., – Европейского союза), что создает благоприятные внешние условия для их внутреннего развития.

Несмотря на кризис европейского процесса, наступивший после провала Европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г., Балканские страны, вероятно, будут поэтапно интегрированы в объединенную Европу. При этом ясно, что степень интеграции отдельных стран (членство в ЕС, статус кандидата или «привилегированного партнера») будет различаться, а характер будущего ЕС еще предстоит определить. Сейчас для нас важно подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях внешний фактор – перспектива интеграции в западные институты, НАТО и ЕС – играет роль «лифта», мощного подъемника, обеспечивающего успех внутренних преобразований.

Государства пятой группы – Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Южного Кавказа – находятся на исторической развилке. Перспектива стать частью объединенной Европы у них менее реальна, чем у Балканских стран, расположенных внутри территории ЕС³, но потенциально некоторые из этих государств все же могут быть интегрированы в систему Европейского союза и НАТО. Способность западных институтов к пространственной экспансии значительна и еще не исчерпана. Но эта способность, конечно, не беспредельна. Есть черта, за которой успех оборачивается перенапряжением, грозящим успешной структуре развалом. В прошлом это приводило к распаду имперских образований. Судьба Европейского союза во многом зависит от того, удастся ли его стратегам определиться с оптимальными границами объединенной Европы.

Еще раз подчеркнем: «лифт интеграции» в принципе способен помочь некоторым из бывших республик СССР совершить модернизационный рывок. Главной предпосылкой для такого рывка, однако, является способность самих постсоветских обществ преодолеть систему нерасчлененной власти, пораженной едва ли не тотальной коррупцией, приведшей к сращиванию крупного бизнеса и высшей бюрократии, при крайне стесненном, «полу-придушенном» положении бизнеса среднего и мелкого и т. д. Если новым элитам новых государств удастся совершить прорыв в вопросе о характере и типе власти, они смогут вывести свои страны на «дорогу в Европу». Без кардинальных внутренних перемен простая геополитическая переори-

ентация тех или иных столиц с Москвы на Брюссель не будет эффективной с точки зрения решения задач модернизации. «Революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине – это далеко не завершившиеся тесты на зрелость для нарождающихся средних классов этих стран и тест на способность мыслить категориями национальных интересов и действовать соответственным образом – для их элит.

Особняком в ряду кандидатов в ЕС стоит Турция⁴, где не только развитие капитализма как таковое, но и давние европейские устремления элит и все более влиятельного среднего класса являются мощным внутренним фактором модернизации. Турцию невозможно «поднять на лифте», но она способна подняться сама, если будет знать, что ее ждут. Брюссель не столько выдает Анкаре авансы, сколько ставит условия, фактически оттягивая принятие Европой окончательного решения «турецкого вопроса». В сущности, выбор у Турции невелик: либо она продолжает курс на модернизацию и европеизацию и в конце концов становится полноправным членом ЕС, либо грандиозный проект, начатый Ататюрком, постепенно рушится и Турция занимает в лучшем случае промежуточное положение между Европой и Большим Ближним Востоком. Поскольку, несмотря на свои исторические традиции, «стыковое» географическое расположение и значительные людские ресурсы, Турция не является самодостаточной страной, такое промежуточное положение может оказаться для нее крайне неустойчивым и даже опасным. Выбор Европы также непросто: либо согласиться на присутствие внутри себя мощного инокультурного начала, либо получить потенциально нестабильного соседа.

Как и Турция, Россия стоит перед дилеммой. Либо ей удастся – причем, в отличие от соседей (включая Турцию), самостоятельно – осилить тяжелый, длительный, болезненный подъем в «первый мир», первоначально хотя бы на его «нижние» этажи⁵, либо она должна будет присоединиться к тому, что еще недавно называлось третьим миром, встать в ряд «обычных стран», все более безнадежно отстающих от группы мировых лидеров⁶. Ясно одно: в условиях глобализации и всеобщей конкуренции ниша «среднего мира», где традиционно – и сравнительно комфортно для ее правящих классов – пребывала Россия⁷, размывается. Есть успешный Запад (т. е. совокупность институтов, обеспечивающих прежде всего современный экономический рост) и все более отстающий от него не-Запад (зона экономической, социальной и политической отсталости). Очевидно, что на постиндустриальном этапе развития ресурсы «особого российского пути» – централизованная нерасчлененная власть, мобилизационная экономика, опирающаяся на огромные природные богатства и значительные людские ресурсы, закрытое неструктурированное общество – совершенно исчерпаны. Собственно говоря, это стало очевидно для многих еще в период Перестройки.

Естественно поэтому, что главным политическим лозунгом отечественных либералов и демократов конца 1980-х – начала 1990-х годов был лозунг интеграции: Россия должна была стать «нормальной» – или, как было принято тогда говорить, «цивилизованной» – страной, частью международного общества (иначе говоря, Запада), полноправным (т. е. одним из ведущих) участником его важнейших институтов и т. д. Трудности посткоммунистической трансформации, сложный опыт взаимоотношений с Западом как геополитической реальностью уже вскоре, однако, качнули маятник элитных и общественных настроений в другую сторону. Главным лозунгом начала 2000-х годов стал лозунг *идентичности* – самобытности, суверенности, независимости. В сфере внешней политики ориентиром стало подтверждение роли России как великой державы, самостоятельной по отношению к США, Европейскому союзу и Китаю, и единственного, доминирующего центра силы на постсоветском пространстве. Если идеология времен Горбачева и Ельцина была по сути революционной, то идеология путинского периода официально определяла себя как консерватизм⁸.

Экономические реформы, довольно активные в период 2000–2003 гг., затухли. В политической области наметился застой – причем как сверху, так и снизу. Коррупция приобрела

прежде невиданный размах. Федерализм переживает настолько серьезный кризис, что россияне перестают воспринимать свое государство в качестве федеративного. С другой стороны, возвращаются традиционные методы сверхцентрализованного управления, отношения по схеме «власть – общество», подозрительность к внешнему миру (прежде всего к Западу), якобы вечному недоброжелателю России, и т. д.⁹

Тем не менее, несмотря на очевидный ренессанс традиции, речь не может идти ни о «возвращении в СССР», ни о «*реимпериализации* России». Несмотря на многочисленные отступления и искажения, развитие капитализма в стране продолжается, причем быстрыми темпами. Идеологическое противостояние по линии Россия – Запад снято вместе с коммунистической идеологией и в прежнем виде невосстановимо. Существующий разрыв в ценностях имеет историческую, а не идеологическую основу. Что касается империи, то ее век для России завершился. У Москвы нет ни ресурсов, ни причин, ни желания для восстановления системы патерналистских отношений, у соседей России – готовности превращаться из субъекта политики в ее объект. Понятие «Евразия» сегодня, вероятно, употребляется чаще, чем когда бы то ни было в прошлом, но оно точно перестало быть синонимом российского государства¹⁰.

С другой стороны, период изоляции России *изнутри* закончился. Ее границы стали прозрачными и «пористыми». Десятки тысяч людей пересекают их ежедневно, путешествуя по своим делам, сотни тысяч – виртуально, благодаря Интернету. Распространение последнего является частью государственной политики, наряду с усилиями Москвы добиться облегчения странами ЕС визового режима для россиян. Возрождение традиций обособленности от внешнего мира, таким образом, наталкивается на весьма жесткие пределы, порожденные интересами как правителей, так и простых граждан.

«Эра развитого социализма» в тогда еще советской России закончилась с началом Перестройки, т. е. два десятилетия назад. Что ожидает Россию в перспективе 20–25 лет? Как процесс интеграции России в международное общество будет взаимодействовать с процессом формирования ее новой идентичности? Все, что написано ниже, представляет собой попытку дать ответ на этот вопрос.

Интеграция – от имперской модели к демократической

МИР XXI ВЕКА ЕДИН И ОТКРЫТ. Говоря об интеграции, мы будем проводить различие между вхождением в *международную систему* (понимаемую как мировая система государств) и вхождением в *международное общество* (определяемое как наиболее продвинутая в экономическом, социальном, политическом отношении группа государств). В этом смысле мы следуем за британским теоретиком международных отношений

Хедли Буллом¹¹. Международная система (у Х. Булла – international system) охватывает всех участников международных отношений, разделяющих общие принципы международного права. В отличие от ситуации начала XX в., когда участниками системы были в основном страны Европы и Америки, в то время как колониальные народы и «туземные» государства находились за ее пределами, в начале XXI столетия система включает членов ООН¹², т. е. практически весь мир. Есть всего несколько исключений: режимы, укрывающие международных террористов и тем самым противопоставляющие себя человечеству (как афганские талибы); тоталитарные и авторитарные государства, стремящиеся к обладанию ядерным оружием (Северная Корея); режимы, практикующие терроризм на международной арене; непризнанные государства («сепаратистские анклавы»). Разумеется, полного согласия среди «системных игроков» в отношении этих международных парий быть не может. Решающая роль здесь принадлежит лидерам системы, которые составляют гораздо более компактное *международное общество* (у Булла – international society).

Членов общества объединяют не только долгосрочные интересы, основывающиеся в наше время на взаимозависимости их экономик и практике тесного и всестороннего общения, но и определенные ценности, соответствующие достигнутому ими уровню развития. Согласно Буллу, греческие полисы составляли общество, а вместе с Персией и Карфагеном – тогдашнюю систему. В Средние века на Западе обществом считался христианский (западнохристианский) мир, центром которого являлась Священная Римская империя, а на Дальнем Востоке – царства китайской Поднебесной. В XIX в. общество охватывало уже почти всю Европу, а также Северную Америку. В то же время ряд государств, с которыми европейцы поддерживали отношения, но «своими» не считали (Оттоманская империя, Китай, Персия, Сиам, латиноамериканские республики и др.), входил в состав системы. Версальская система включала «общество» победителей и новообразованных государств, возникших на обломках европейских империй, а также группу проигравших – Германию и Турцию, а также (после ее международного признания) советскую Россию.

Вопрос о включении в мировую систему тогда, как и сейчас, находился в руках членов «общества», точнее, его лидеров. Установление в 1924 г. дипломатических отношений между Великобританией (тогда еще номинальным лидером Запада) и Советским Союзом означало формальное включение СССР в мировую систему государств как преемника Российской империи. После этого сигнала началась так называемая полоса признаний СССР¹³. Точно так же реинтеграция Германии в систему произошла в результате достижения согласия между Берлином, Лондоном и Парижем в Локарно в 1925 г.: в следующем году Германия была принята в Лигу Наций.

Вторая мировая война привела к расколу мировой системы на две более или менее структурированные подсистемы государств плюс неструктурированную зону так называемых неприсоединившихся стран. В период «холодной войны» Запад и Восток не только противостояли друг другу, но и – особенно начиная с 1963 г. – активно взаимодействовали. Вначале, с окончания Второй мировой войны в 1945 г. до берлинского кризиса 1961 г., – германский вопрос, затем, от карибского кризиса 1962 г. вплоть до распада СССР в 1991 г., – контроль над

ядерными вооружениями являлись организующими институтами *двухединой* мировой системы. Противостоявшие друг другу стороны оказались вынуждены сотрудничать для предотвращения новой мировой войны, угрожавшей существованию человечества.

Формально говоря, и Запад, и Восток периода «холодной войны» были *параллельными обществами*, хотя и организованными на разных принципах. Теоретически рассуждая, *мир социализма* мог бы развиваться в субъект глобальных международных отношений, способный конкурировать с коллективным Западом и, возможно, на каком-то этапе соединиться с ним, создав универсальное общество, сочетающее лучшие черты обоих «полумиров». Теория конвергенции, однако, исходила из идеального представления о социалистической модели и не учитывала экономических, социальных, политических и ценностных реалий «соцлагеря». Переход от индустриальной модели развития к постиндустриальной сделал проблему конвергенции неактуальной даже в сугубо теоретическом плане.

В мировую систему наряду со *свободным миром* и *социалистическим содружеством* входили также коммунистический Китай¹⁴ как сравнительно крупный самостоятельный игрок и большая группа неприсоединившихся государств во главе с Индией, Египтом и Югославией – так называемый третий мир. В начале 1980-х годов Движение неприсоединения включало около ста стран, на которые приходилась почти половина населения мира. В действительности «неприсоединившиеся» страны не играли самостоятельной глобальной роли, склоняясь в ту или иную сторону, а иногда переходя «из рук в руки» (Индонезия, Египет, Сомали и др.), но обычно более или менее удачно балансируя между двумя полюсами. Китай стал «системным игроком» в начале 1970-х годов в результате сближения с США и появления «геополитического треугольника» США – КНР – СССР. В отличие от неприсоединившихся государств нейтральные страны (Австрия, Финляндия, Швеция, Швейцария), являясь во всех отношениях составной частью Запада, не участвовали лишь в его военно-политических организациях.

СССР добивался признания со стороны Запада для своих союзников. В 1950-е годы Советский Союз упорно – в том числе с ущербом для себя – бойкотировал международные форумы, на которых Китай был представлен гоминьдановским правительством на Тайване. По иронии истории, международное признание КНР состоялось в период резкого обострения советско-китайских отношений. В 1960-е – начале 1970-х годов Москва вела дипломатическую борьбу за международное признание ГДР, увенчавшуюся успехом после подписания Московского договора между СССР и ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Берлину. Спустя 20 лет ГДР, однако, вошла в состав ФРГ. В 1970-е годы усилия советской дипломатии были сосредоточены на получении признания политического статус-кво, сложившегося в Центральной и Восточной Европе после Второй мировой войны, что было достигнуто в ходе общеевропейского процесса. Спустя менее чем 15 лет после Хельсинкского акта этот политический статус-кво рухнул. Тем самым, несмотря на непримиримую идеологическую борьбу между двумя подсистемами государств и военно-политическое равновесие между ними, в период «холодной войны» Запад реально рассматривался советским руководством как источник международной легитимности¹⁵.

Социалистическое содружество было высокоцентрализованным образованием. Руководство Коммунистической партии Советского Союза определяло основополагающие идеологические установки, генеральную политическую линию, характер внутренних и внешних экономических связей, общую военную доктрину и т. п. Система межпартийных консультаций, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организация Варшавского договора (ОВД) надежно обеспечивали «руководящую и направляющую роль» СССР внутри содружества. Несогласие с этой ролью вело к конфликту, заканчивавшемуся либо сменой «диссидентского» руководства в той или иной стране (как это произошло с Венгрией и Чехословакией), либо исключением этой страны из «содружества» (Югославия, Албания, Китай). Исключение составляли случаи,

когда отсутствовала угроза «утраты социалистических завоеваний» (Румыния времен Н. Чаушеску, КНДР Ким Ир Сена). Тогда Москва мирилась с фрондерством своих союзников.

Вместе с тем социалистическая система, как она возникла и функционировала внутри СССР, а затем в рамках соцсодружества, будучи жестко централизованной, не была интегрированным образованием. Эта централизация, изначально навязанная сверху и тщательно оберегаемая, даже в принципе не могла эволюционировать в систему самовоспроизводящихся горизонтальных связей. «Содружество» по существу так и осталось лагерем. Предпринятая в 1990–1991 гг. попытка преобразовать Варшавский договор в политическую организацию¹⁶ опоздала в лучшем случае на два-три десятилетия. В результате стратегически выгодной для СССР «финляндизации» Восточной Европы не произошло.

Распад возглавлявшейся Советским Союзом мировой системы, а затем и самого СССР, наряду с постепенным и добровольным открытием Китая внешнему миру привел к восстановлению формального единства мировой системы – при центральной роли США. К исходу XX в. за пределами системы оставалось всего лишь несколько сравнительно небольших государств и территорий. Одни – по причине самоизоляции (Северная Корея), другие – из-за нарушения международных правил поведения (Ирак при Саддаме Хусейне, Югославия Слободана Милошевича, Ливия до 2003 г.), третьи – как непризнанные государства (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Турецкая республика Северного Кипра). Пограничное положение в этой связи занимают страны, подозреваемые в стремлении создать собственное ядерное оружие (Иран), и некоторые (но далеко не все!) авторитарные режимы (Александра Лукашенко в Белоруссии, Роберта Мугабе в Зимбабве)¹⁷. В то же время формальное единство является «единством поля» и не означает гомогенности. В известном смысле мир стал более фрагментарным, чем был во второй половине XX в.

Внутреннее «качество» государств, т. е. характер политических режимов, экономических и социальных систем, приобретает решающее значение в определении их места в системе международных отношений. Получить признание со стороны международного общества в качестве «своего» означает приобретение некоего «сертификата соответствия» высшим стандартам и, соответственно, конкурентных преимуществ. Напротив, клеймо «чужого» может означать, что страна становится международным изгоем. Реально решает «общество», т. е. Запад. Оно доминирует в международных организациях – от Международного валютного фонда и Всемирного банка до Совета Европы и НАТО. Его члены связаны взаимными обязательствами и пользуются многочисленными привилегиями членов престижного клуба – от тесных доверительных консультаций между лидерами до безвизового режима поездок для граждан. Общество объявляет и ведет войну (как, например, в 1999 г. на Балканах), применяет санкции (в частности, против Зимбабве в 2002 г.) или бойкотирует иностранного лидера (будь то Мугабе или Лукашенко).

Это общество составляет меньшинство государств мира, но оно наиболее «продвинуто» и активно. *Внутри* общества обеспечен устойчивый мир (зрелые демократии не воюют друг с другом), господствуют нормы права, поддерживаются определенные этические стандарты. Граждане этих стран демонстрируют высокий уровень потребления и развитые потребности. Разумеется, все это не означает единства интересов различных государств – членов общества и тем более единства мнений между ними. В 2003 г. по иракской проблеме возникли острые противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией и Германией – с другой, а также между «старой» и «новой» Европой внутри ЕС. Однако все подобные противоречия и разногласия остаются на уровне правительств и не ведут к полномасштабной конфронтации между странами.

Достигнутый членами общества экономический, политический, социальный прогресс является реальной основой для ощущения не только материального, но и морального превосходства, а также права на лидерство. Это ощущение ведет к возникновению сознания глобаль-

ной ответственности, которое, в свою очередь, в некоторых случаях реализуется через силовое вмешательство в дела менее успешной и хуже организованной части человечества. Согласно спорной, но влиятельной на Западе точке зрения международное общество (представленное, например, НАТО) может выдавать мандат на применение силы в тех случаях, когда (как во время Косовского кризиса) мировая система (в лице Совета Безопасности ООН) не в состоянии это сделать из-за разногласий между ее ведущими членами.

Международное общество декларирует открытость к расширению путем кооптации. В 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк предложил концепцию расширения демократии, в 2005 г. президент Джордж Буш – доктрину продвижения свободы¹⁸. 1990-е – начало 2000-х годов стали периодом практической экспансии европейских и евроатлантических структур¹⁹. В результате в общество были приняты страны Центральной и Восточной Европы, а некоторые члены Содружества Независимых Государств (СНГ) – Украина, Грузия, Молдавия – стали ориентироваться на НАТО и ЕС. Во всех этих случаях, однако, в состав Запада были приняты страны, являвшиеся частью европейской цивилизации. Их присоединение к обществу шло путем институциональной интеграции, т. е. признания правил игры, сложившейся иерархии государств и т. п.

Гораздо более сложным является вопрос о расширении общества в результате внутреннего развития неевропейских стран без их обязательного вступления в союзы и альянсы с США и ЕС, признания американского лидерства. Япония, Южная Корея и Тайвань исторически развивались в условиях военно-политического союза и гарантий со стороны США, а Гонконг – как колония британской короны. В то же время Малайзия и Сингапур достигают «западного» уровня развития экономики и социальной сферы, оставаясь «восточными» в политическом отношении. При этом Малайзия проводит откровенно антиамериканский внешнеполитический курс. Особую проблему представляют крупные державы – прежде всего демократическая Индия, демократизирующаяся Бразилия и все более капиталистический Китай. Цивилизационная основа их обществ, политическая самостоятельность и принципиальная неинтегрируемость в институты, подобные старому НАТО и Евросоюзу, являются серьезными вызовами в процессе формирования «нового Запада».

Под интеграцией обычно понимается сближение, взаимопроникновение подобных величин, формирование на этой основе общих пространств: экономических, политических, общественных, ценностных. Политическая интеграция при этом подразумевает не только тесное взаимодействие однотипных государств и обществ, находящихся на сходных стадиях экономического, социального, политического развития, как это имело место в Западной Европе после Второй мировой войны, но и притяжение более «продвинутыми» государствами тех, кто определился с вектором преодоления своего отставания. Двигателем интеграции с обеих сторон – принимающей и вступающей – являются прежде всего элиты, увидевшие необходимость выхода за пределы замкнутых локальных (региональных) пространств.

Непосредственным предшественником современной интеграции был традиционный империализм. На протяжении Нового времени европейские державы создали несколько империй, которые к моменту окончания Первой мировой войны управляли почти треть (32,3 %) населения Земли, контролировали свыше двух пятых (42,9 %) земной суши²⁰ и безусловно господствовали в Мировом океане. Неумение великих держав регулировать свои разногласия, не прибегая к военной силе, неспособность их элит увидеть уже сформировавшуюся к началу XX в. общность коренных экономических и общественных интересов привели к трагедии «двухфазного» мирового конфликта 1914–1945 гг. Империи Нового времени, однако, были политически и стратегически интегрированными «сверху», но при этом внутренне разнородными и разноразмерными конструкциями, основанными на силе и подчинении. Чем успешнее

проходило развитие их «низших», наиболее отсталых этажей, тем ближе подходили империи в целом к точке распада²¹.

Национализм народов зависимых стран сумел победить традиционный империализм. В 1945 г. членами ООН состояли 50 государств; в 2005 г. – уже 191. Тем не менее увеличение их числа шло параллельно углублению кризиса традиционного национального государства и, соответственно, вестфальского принципа примата государственного суверенитета в международных отношениях. Среди вновь образованных государств широкое распространение получил синдром падающих (или несостоявшихся) государств (failed states). Одновременно произошел «взрыв» связей на негосударственном уровне. Интеграция, таким образом, возвращается, но не на имперском, а на транснациональном уровне. Ведущую роль в ней играют не военные флоты и отряды завоевателей, соревнующиеся, кто раньше поднимет свой национальный флаг над той или иной далекой территорией, а движение капиталов, потоки иммигрантов и распространение информации.

Вопрос о членстве Российской Федерации в мировом сообществе был решен в момент распада СССР. Вместе с ядерным оружием Советского Союза Россия при поддержке всех ведущих государств унаследовала место СССР в Совете Безопасности ООН и во всех других международных организациях. В глазах Б. Ельцина, правительства и большинства населения страны Российская Федерация являлась государством – продолжателем СССР. Фактически этот тезис был принят всеми другими странами включая остальные республики бывшего Союза. Сложнее обстояло дело с перспективами интеграции России в международное общество.

К 1991 г., когда «холодная война» окончательно закончилась в связи с исчезновением СССР, Запад вместо сплоченного враждебного лагеря оказался лицом к лицу с множеством его больших и малых осколков, и практически все они являлись источниками реальных или потенциальных угроз, опасностей или рисков. Эта ситуация привела западных лидеров к выработке двойной стратегии – постепенной интеграции бывших союзников СССР и некоторых бывших советских республик в западное общество и одновременного вовлечения России – основного наследника Советского Союза – в систему «особых отношений» с США и Европой. Со своей стороны российское руководство на протяжении 1990-х годов эволюционировало от попыток интеграции на собственных условиях к стремлению реконструировать Россию как *современную великую державу*.

К началу XXI столетия стало совершенно ясно, что Россия всерьез стремится интегрироваться в мировую экономическую систему, но при этом намерена оставаться независимой (как от Запада, так и от Востока) политической и стратегической величиной, претендующей на существенную роль в глобальном управлении международной системой. Одновременно стало очевидно, что западные институты (НАТО, Европейский союз, система формальных военно-политических союзов США) могут включить в число своих членов наряду с Балканами и Турцией также Украину и некоторые другие новые государства бывшего СССР, но при этом Российская Федерация – во всяком случае, на перспективу до 2025 г. – останется за пределами этой системы институтов.

Именно в этом контексте стоит сейчас проблема отношений Россия – Запад. В принципе Россия идет тем же путем капиталистического развития, как и ее непосредственные западные соседи. В то же время у нее иное историческое наследие, чем у Польши или Украины, иное самосознание населения и иные амбиции элит, чем в Турции. Традиции самодержавия и великодержавия – реальные факторы сегодняшней ситуации, которые не исчезнут и завтра²². Как в таких условиях избежать превращения интеграции в бесперспективную – это надо подчеркнуть – попытку подчинения России Западу? Как выстраивать отношения между географически расширившимся, изменившим свою структуру (от моно- к биполярной) западным обществом и страной, хотя и крупной, но уступающей США и ЕС, коллективному Западу уже сейчас в

десятки раз по величине валового внутреннего продукта, сумме военных расходов и многократно – по численности населения?²³

Попытка разобраться в этом вопросе приводит к необходимости исследования соотношения между двумя потребностями России XXI в.: с одной стороны, стремлением утвердить свою обновленную идентичность и, с другой стороны, необходимостью не только экономической, но и более широкой – социальной и политической – интеграции с наиболее продвинутой частью современного мира – международным обществом, проще говоря – Западом.

Прежде чем сосредоточиться на проблеме российско-западных отношений, необходимо разобраться в феномене современного Запада, его генезисе как политического образования. Для целей нашего исследования особенно важно проследить эволюцию «мирового Запада» на протяжении XX в.

Феномен политического Запада

ПЕРВОЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНКАРНАЦИЕЙ политического и стратегического Запада²⁴ стала англофранцузская Антанта, основанная в 1904 г. Этот союз отличался от других коалиций европейских держав несколькими важными особенностями. Во-первых, Антанта знаменовала «вечный мир», положив конец исторической вражде между двумя великими державами Европы и постоянными соперниками – Англией и Францией. Присоединение России к этому союзу еще более укрепляло дружественные русско-французские отношения и создавало условия для урегулирования русско-английских противоречий на Среднем Востоке и прекращения Большой игры на основе признания сторонами статус-кво²⁵.

Во-вторых, Антанта была первым военно-политическим союзом преимущественно демократических государств, объективно противостоявшим союзу государств авторитарных (хотя, разумеется, это противоречие совсем не являлось причиной Первой мировой войны). Россия здесь стояла особняком: царский режим был гораздо ближе к политическому режиму Османской империи, двуединой австро-венгерской монархии и кайзеровской Германии, чем к парламентским демократиям Англии и Франции. Тем не менее членство России в Антанте объективно усиливало стимулы к расширению представительного правления, учрежденного манифестом Николая II от 17 октября 1905 г.

В-третьих, союз между Антантой и США впервые привел к военному и политическому участию США в делах Европы, сделал США европейской державой, а сам союз – всемирным по охвату. Участие в мировой войне британских доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки – впервые вовлекло эти страны в глобальные политические и стратегические отношения.

В-четвертых, союзники, среди которых тогда еще не было явного гегемона, создали первые коалиционные органы в политической области (Верховный совет Антанты) и в сфере военного командования. Россия вела войну самостоятельно, но координировала свои усилия с союзниками, получала от них помощь и отправляла свои войска (Русский экспедиционный корпус) на Западный фронт.

Наконец, после окончания мировой войны западные союзники сделали заявку на создание первой универсальной структуры управления системой международных отношений – Лиги Наций (по иронии истории инициатива создания лиги исходила от США, но реализовывать на практике американскую идею, которая не получила поддержки на родине, пришлось Франции и Великобритании). К этому времени, однако, советская Россия оказалась уже за рамками не только Антанты, но и – на время – системы международных отношений вообще.

Запад, который был представлен в 1919 г. в Версале, был, таким образом, одновременно понятием географическим – входившие в него государства располагались к западу от Германии, лидера побежденного блока центральных держав, и политическим – США, Великобритания (с доминионами) и Франция в начале XX в. были государствами с либеральными политическими режимами, эволюционировавшими в направлении все более глубокой и широкой демократии. Первым идеологическим манифестом либеральной демократии стали Четырнадцать пунктов президента США Вудро Вильсона. Эта двойная определенность не означала замкнутости: Устав Лиги Наций (которая была шире, чем инициировавшая ее Антанта) содержал универалистское послание. Тем не менее членство в лиге (т. е. в мировом сообществе) подразумевало приверженность некоторым нормам международного поведения, отступление от которых могло привести к исключению из организации.

Политическая интеграция Запада в формате «Антанта плюс США» ненадолго пережила победу союзников. Хотя чувство общности трех ведущих западных демократий, скрепленное жертвами и переживаниями мировой войны, сохранилось, политического взаимодействия

между ними в мирное время наладить не удалось. Роковой ошибкой западных союзников было исключение побежденного противника, Германии, из послевоенной системы международных отношений и возложение ими на Германию всей полноты моральной и материальной ответственности за войну. Изоляционистская политика США и разногласия между Францией и Англией быстро привели к распаду первой версии политического Запада. Веймарская Германия была принята в Лигу Наций слишком поздно (в 1926 г.), причем равенства с державами-победительницами она так и не получила: репарации продолжали взиматься. Бессилие Лондона и Парижа сохранить Версальскую систему, их отчаянная политика «умиротворения» гитлеровской Германии стали одной из самых позорных страниц истории политического Запада, предостережением на будущее.

Следующая попытка консолидации западных демократий отнюдь не была связана ни с Октябрьской революцией в России, ни с последующим *строительством социализма* в СССР. Военная интервенция США, Англии, Франции, Японии в России и политическое вмешательство этих стран в гражданскую войну на стороне противников большевиков было в целом периферийной военной акцией, имевшей целью не свержение «красных», а скорейший разгром Германии. На вызов международного коммунизма и мировой экономической кризис страны Запада ответили не войной, а политической изоляцией советской России (при ее одновременном дипломатическом признании), созданием так называемого санитарного кордона вдоль ее европейских границ, но главным образом – политикой кооптации рабочих партий и движений внутри западных стран и проведением серии социально-экономических реформ. Это был асимметричный, но эффективный ответ Запада Третьему интернационалу.

Вторая инкарнация Запада стала запоздалым ответом на агрессивную политику Гитлера.

Соглашение об объединении Великобритании и Франции в единое государство в июне 1940 г. стало отчаянным решением, принятым в условиях агонии Франции и разгрома британских экспедиционных сил. Оно не имело последствий. Оставшись в одиночестве, Великобритания продолжала сопротивление, что имело огромное моральное значение для консолидации всех либеральных и демократических сил в самый тяжелый период Второй мировой войны – 1940–1941 гг. Лондон в это время стал местом пребывания эмигрантских правительств оккупированных Германией европейских государств. Лозунг объединения демократий перед лицом тоталитаризма приобрел материальную основу после того, как Великобритания получила поддержку США.

Атлантическая хартия США и Великобритании (август 1941 г.) стала идеологическим и политическим манифестом демократического Запада. С вступлением США в войну против Германии (декабрь 1941 г.) Запад вновь приобрел черты военно-политической коалиции, ядро которой формально состояло из США и Великобритании при фактически ведущей роли Вашингтона. К этому ядру тесно примыкали самоуправляющиеся доминионы Британской империи – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз. Несмотря на то что к Атлантической хартии вскоре присоединились правительства в изгнании ряда европейских стран, реально Запад времен Второй мировой войны представлял собой в основном сообщество народов, говоривших на английском языке.

Ранний «англосаксонский» характер этого объединения хорошо просматривается на примере отношения официальных Вашингтона и Лондона к роли Франции в послевоенном устройстве мира. Официальная капитуляция Франции, создание прогерманского правительства Виши, коллаборационизм части французской элиты отражались и на отношении англо-американцев к организации «Свободная Франция», возглавлявшейся генералом де Голлем. Французская 1-я армия вошла в Париж как освободительница в августе 1944 г. фактически вопреки планам союзников. До освобождения Франции Вашингтон и Лондон не признавали права де Голля представлять Францию на международной арене. На союзных конференциях в Потсдаме и Ялте в 1945 г. (т. е. уже после освобождения Франции) французского представи-

теля не было. Тем не менее Франция получила (из британской доли) зону оккупации в Германии и сектор в Берлине. С этого момента Франция стала полноправным членом послевоенного Запада.

Итак, западное сообщество времен Второй мировой войны включало наиболее близкие, максимально однородные компоненты – США и Великобританию с ее «белыми» доминионами. Тесное ядро этого Запада скрепляла общность языка, этнического и религиозного состава населения, культуры, исторического опыта. При внешнем различии форм правления (британская монархия – американская республика) и политических систем (парламентская демократия в Англии и доминионах – президентская форма правления в США) определяющим было сходство политических режимов: все англоязычные страны уже к первой половине XX в. стали либеральными демократиями.

Огромное значение имело то, что в США именно англо-американцы стали основой американской нации. Не только в течение колониального периода, но даже вплоть до 1830-х годов Северная Америка (затем США) была преимущественно сообществом англоамериканцев (именно об «англоамериканцах» говорит Алексис де Токвиль). Что касается идеологии «англосаксонства», духовно объединившей США с Великобританией и ее доминионами, то она возникла еще в начале XX в.²⁶ В 1940-е годы понятие «англосаксы» или «англоамериканцы» вошло в международный политический язык²⁷. Две мировые войны на памяти одного поколения, в ходе которых британские и американские военнослужащие сражались бок о бок нередко под единым командованием, создали мощную эмоциональную связь. Стремясь распространить и утвердить представление об общности судьбы 220 млн человек²⁸, Уинстон Черчилль написал многотомную «Историю народов, говорящих на английском языке»²⁹.

К Атлантической хартии наряду с доминионами Британской империи присоединились законные правительства оккупированных нацистами стран Западной, Северной и Центральной Европы – Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Польши, Чехословакии. Страны Западной и Северной Европы, впоследствии освобожденные войсками западных союзников, обладали двумя особенностями. Географически они были обращены к Атлантике, а политически к моменту германской оккупации являлись либеральными демократиями.

К Атлантической хартии присоединился и Советский Союз, который вскоре стал одним из авторов Устава Организации Объединенных Наций. Проблема взаимоотношений СССР и западных держав в рамках антигитлеровской коалиции и затем в организации послевоенного устройства мира будет рассмотрена в последующих разделах этой главы. Для исследования генезиса Запада достаточно подчеркнуть, что почти сразу после окончания Второй мировой войны политическое, идеологическое и военное противостояние с Советским Союзом стало основой беспрецедентного в истории сплочения и единства Запада.

В 1946 г. У. Черчилль произнес две важные речи – одну в Фултоне (США) о «железном занавесе», другую в Цюрихе об объединении Европы. Несмотря на то что с окончанием Второй мировой войны непосредственные причины, приведшие к возрождению феномена политического Запада, исчезли, это образование не распалось. Урок «проигрыша мира» вслед за победой в Первой мировой войне был усвоен. Западное сообщество впервые приобрело мирную миссию: не только исключить новую агрессию со стороны Германии, но и уравновесить советское военно-политическое присутствие в Европе к востоку от линии Росток – Прага – Триест и не допустить к западу от этого нового водораздела прихода к власти политических союзников и клиентов СССР – местных коммунистических партий. В 1947 г., т. е. еще до формального начала «холодной войны», был создан первый «мирный» Западный союз в составе Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Таким образом, уже непосредственно после окончания Второй мировой войны западное общество вышло за пределы своего первоначального тесного ядра. Новые политические и

военно-стратегические задачи потребовали интеграции (или кооптации) в состав Запада стран и регионов, имевших иные этнические, религиозные и культурные корни, иной исторический опыт, иные политические традиции, чем США и доминионы Британской империи. Запад перестал быть англосаксонским, атлантическим и основанным исключительно на либерально-демократических традициях. Либеральная демократия стала не столько знаком отличия, сколько инструментом консолидации в борьбе с коммунистическим противником. Этот фактор приобрел особую роль с учетом особенностей политической культуры единоличного лидера Запада – Соединенных Штатов Америки.

Америка, по известному выражению Честертона, является «нацией с душой церкви»³⁰. Соответственно, для внешней политики США вопрос о характере политического режима в иностранном государстве всегда имел гораздо большее значение, чем для «секуляризованных» стран Западной Европы. Сама американская Война за независимость позиционировала себя как *революцию*. Как и случившаяся вскоре Французская революция, она оперировала идеологическими, а не только геополитическими понятиями. Английский король Георг III был для восставших колонистов не просто супостатом, а идеологическим противником, «тираном». Индекс свободы, ежегодно публикуемый американской неправительственной организацией «Freedom House», а также многие другие рейтинги государств по различным аспектам их демократического развития являются серьезным ориентиром для американского политического класса, своего рода определителем «свой – чужой». Американцы убеждены, что их безопасность и процветание непосредственно зависят от того, насколько широко либеральные и демократические ценности распространятся в мире, насколько глубоко они укоренятся в «проблемных» с точки зрения внешней политики США странах.

К середине 1950-х годов в общество стран Запада были включены бывшие противники США и Великобритании во Второй мировой войне: Западная Германия и Италия в Европе, Япония в Азии³¹. Интеграция бывших противников осуществлялась в условиях их военной оккупации (многосторонней в случае Западной Германии, англо-американской в Италии, американской в Японии), демократизации «сверху» и «извне» их политических систем, реформы экономических отношений, перевоспитания элит и всесторонней (и добровольной) вестернизации обществ. В военно-политическом отношении бывшие противники включались в систему американских союзов (НАТО и японо-американский Договор безопасности) в качестве младших партнеров США, их вооруженные силы жестко ограничивались и ставились под американский и международный контроль. Надо, однако, особо подчеркнуть, что успех интеграции ФРГ, Италии и Японии был обеспечен тем, что основы либерализма в политической системе этих стран были заложены в XIX – первой половине XX в. Нацизм, фашизм и ультрамилитаризм были в этом смысле сравнительно кратковременными aberrациями.

Политика западной интеграции была сознательным выбором политической элиты ФРГ во главе с первым канцлером «боннской республики» Конрадом Аденауэром. Урок, который он и правящий класс страны в целом извлекли из опыта двух мировых войн и межвоенного периода, заключался в том, что ради целей выживания, восстановления и последующего развития Германия должна была отказаться от особых немецких национальных интересов, от традиционного представления о себе как о центральной стране в Европе и связанной с этим «политики маятника» между Востоком и Западом и однозначно и безусловно выбрать западный вектор интеграции – т. е. присоединения к победителям в качестве их младшего союзника и лояльного партнера. Успех политики «западной интеграции» определялся ожесточенностью противостояния на немецкой земле, расколом страны и нации, фактически не оставлявшими места для какой-либо нейтралистской позиции и политики балансирования между полюсами. Западная Германия «ушла на Запад», потому что в условиях «холодной войны» она была лишена шанса на объединение. В то же время К. Аденауэр был носителем старой либеральной традиции в

германской политической культуре, которая с разгромом нацизма получила возможность реализовать свой проект создания демократической Германии.

В Италии и Японии, которые, в отличие от Германии, не были разделены на зоны влияния между победителями в войне, важнейшим побудительным мотивом западной ориентации стало стремление правящих элит этих стран гарантированно исключить приход к власти местных коммунистических партий и их союзников с последующим включением в орбиту советского влияния. В этой связи огромную роль сыграл наглядный пример стран Восточной Европы, материкового Китая и Северной Кореи. При всех особенностях и различиях итальянской и японской политических культур лидеры христианских демократов Италии и либеральных демократов Японии стремились к укреплению в своих странах конституционных начал, верховенства закона и в конечном счете демократии.

Итак, логика «внешнего» геополитического противостояния и стремление отразить вызов со стороны «внутреннего противника» заставила элиты западноевропейских стран тесно сотрудничать друг с другом и сплотиться (вместе с Японией) вокруг бесспорного лидера коллективного Запада – США. План Маршалла (1947 г.) и созданная на его основе Организация европейского экономического сотрудничества и развития стали экономической основой всесторонней интеграции. Спустя два года Западный союз проложил дорогу к заключению Северо-

Атлантического договора, который еще через три года конституировался в постоянную организацию (НАТО). Так определился атлантический вектор интеграции. На «параллельном треке» план Шумана и созданные на его основе Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1952 г.), а затем Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и «Евратом» (1957 г.) обозначили европейский интеграционный вектор. В условиях «холодной войны» оба вектора были не столько конкурирующими, сколько взаимодополняющими.

Результатом стало формирование к концу 1950-х годов полномасштабного международного (Западного) общества. Наряду с главными институтами Запада – военно-политическим (НАТО), экономико-политическим (ЕЭС) – в состав общества вошли доминионы бывшего Британского Содружества – Австралия и Новая Зеландия, ведущие неевропейские союзники США – Япония и Израиль (хотя формально Израиль американским союзником не являлся), а также нейтральные некоммунистические страны Европы – Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария и Швеция. Наиболее полно понятие «Запад» в тот период охватывалось членским составом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Потребности политического и военного противостояния с СССР и международным коммунистическим движением потребовали от США привлечения новых союзников: Греции, Турции, Португалии, позже Испании – в рамках НАТО в Европе, Южной Кореи и Тайваня – в системе американских союзов в Восточной Азии, ряда стран в Юго-Восточной и Западной Азии (Филиппин под эгидой СЕАТО и Ирана и Пакистана в рамках СЕНТО), стран Латинской Америки (под флагом Организации американских государств и Пакта Рио-де-Жанейро). Составляя вместе с ядром Запада пространство так называемого свободного (т. е. некоммунистического) мира, но будучи при этом существенно удаленными от этого ядра вследствие различия в уровнях экономического, социального и политического развития, эти страны в дальнейшем пошли различными путями. Греция после 1974 г., Португалия после 1975 г., Испания после 1976 г. и Турция после 1980 г., встав на путь демократического развития, сумели войти в западное общество. Нечто похожее произошло в 1990-е годы в Южной Корее, которая наряду с Японией в результате экономических достижений, социального и политического прогресса стала современной либеральной демократией. Тайвань, хотя он тоже в условиях либеральных свобод и на волне экономического успеха сумел к началу XXI в. превратиться в демократическое общество, остался тем не менее за пределами Запада из-за проблемы его международного положения.

Блоки СЕАТО и СЕНТО в отличие от НАТО оказались ситуативными военно-политическими комбинациями, лишенными социально-политической основы³². Они не привели к расширению международного общества в своих регионах. Возникшие там позднее новые региональные организации – Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в той или иной степени сотрудничают с Западом, но не являются его составной частью. Напротив, в странах Латинской Америки в 1970-1990-е годы были проведены важные экономические и политические реформы, которые приблизили наиболее продвинутые из них к либеральным демократиям западного типа. Мексика в 1993 г. вошла (вместе с США и Канадой) в Северо-Американскую зону свободной торговли (НАФТА). Чили в 2003 г. заключило соглашение о свободной торговле с США. В то же время ведущие страны Южной Америки – Аргентина и Бразилия – остаются политическими и военными союзниками США.

Запад после «холодной войны»

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ОКОНЧИЛАСЬ для Европы и США 9 ноября 1989 г. падением (реально – вскрытием) Берлинской стены. Наиболее важным после «холодной войны» этапом в формировании Западного общества стало расширение НАТО и Европейского союза с включением в их состав бывших членов «советского блока», Балтийских республик бывшего СССР и некоторых нейтральных государств. Первым шагом на этом пути стало объединение Германии (в форме вхождения ГДР в состав ФРГ, оставшейся в рамках НАТО и ЕЭС) в 1989–1990 гг. Вторым – преобразование ЕЭС в Европейский союз в 1992 г. (Маастрихтский и Амстердамский договоры). Третьим – включение в ЕС прежде нейтральных государств: Австрии, Финляндии и Швеции (1995 г.). Четвертым – расширение НАТО на три страны Центральной Европы (1999 г.). Пятым – двойное расширение НАТО и ЕС (2004 г.). В результате к 2004 г. НАТО включало в свой состав 26 государств, ЕС – 25 (в 1989 г. – соответственно 16 и 12). Численность населения этих двух групп стран выросла до 750 и 450 млн человек.

Бывшие социалистические страны рассматривали присоединение к Западу как свое «возвращение в Европу». Пребывание в советской зоне влияния никогда не было особенно популярным в обществе и среди элит. Запад привлекал свободой и демократией, но еще больше – гораздо более высоким жизненным уровнем. Сразу после 1989 г., когда западные лидеры, занятые проблемой воссоединения Германии³³, еще не думали о расширении своих институтов, элиты Центральной и Восточной Европы сознательно взяли курс на западную интеграцию. Этот курс нашел широкую общественную поддержку. В то время как элиты заботили геополитика и повышение собственного международного статуса, общество рассчитывало прежде всего на рост благосостояния.

Помимо расширения состава западного общества с окончанием «холодной войны» изменилась и его структура. В 1941–1945 гг. США и Британская империя еще формально сотрудничали на равноправной основе (отношения на уровне Рузвельт – Черчилль, в рамках Объединенного комитета начальников штабов), но с окончанием войны ослабление Великобритании не оставило Лондону надежд на большее, чем «особые отношения» с лидером – США. Смена Вашингтоном Лондона в качестве гаранта безопасности Греции и Турции в 1947 г. стала символической точкой отсчета единоличного доминирования США, а Суэцкий кризис 1956 г. окончательно похоронил претензии Великобритании (и Франции) на самостоятельную роль первого плана в рамках коллективного Запада. Несмотря на быстрое восстановление экономической мощи, Германия и Япония на протяжении всего периода «холодной войны» находились в подчиненном положении политических карликов. Доминирование США в структурах и институтах Запада являлось абсолютным и безусловным вплоть до начала 1970-х годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.